

Глава IX

Иоганн Даниэль Шумахер занимается Кунсткамерой под руководством Лаврентия Блюментроста

Деятельность Шумахера после смерти Арескина

После смерти Р. Арескина проблемы возникли не только у И.Д. Шумахера, но и у А. Себы. Прошло немало времени, прежде чем Шумахер в письме от 14 января 1719 г. сообщил ему имя преемника Арескина, а собственное положение охарактеризовал так: «Меня утвердили в моей должности»¹. Что это была за должность, в которой утвердили Шумахера, Себа не знал, так что его письмо от 17 февраля 1719 г. было все еще адресовано «Шумахеру, секретарю Арескина»².

Сам Шумахер поначалу также не знал, какую он занимает должность. Письмо, в котором он сообщил д'Онз-ан-Бре о кончине своего начальника, Шумахер подпisał как «*Secrtaire d'Apothecaire*» (секретарь аптекаря). Однако затем перечеркнул эту фразу, написав: «*Bibliothequaire de Sa Majesté Czarienne à St. Peterbourg*» («библиотекарь царя») ³. Это была весьма уважаемая должность: Лейбниц некогда был библиотекарем курфюрста Бранденбурга, а во Франции знаменитый организатор деятельности научного сообщества аббат Жан-Поль Биньон одновременно занимал должность королевского библиотекаря и пост президента Французской академии наук.

Еще одним неприятным событием для Шумахера стало то, что обязанности Арескина теперь были поделены между двумя людьми — братьями Блюментрост. Старший, Иван Блюментрост (1678–1756), стал архиатром⁴ и главой Медицинской канцелярии, которая выполняла функции министерства и в ведении которой находилось все, что имело отношение к медицине в России, — эту должность Арескин занимал с 30 апреля 1716 г.⁵; младший из братьев, Лаврентий Блюментрост, стал первым лейб-медиком и ответственным за коллекции и библиотеку⁶.

1 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 14 января 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 115.

2 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 17 февраля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 83–84.

3 Письмо И.Д. Шумахера д'Онз-ан-Бре. 18 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 112 об. — 113.

4 Врач, которому подчинялись остальные лейб-медики, состоявшие при особе государя.

5 *Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 150.*

6 *Ibid.*

Как бы ни именовалась должность Шумахера, впредь он называл себя библиотекарем царя и так же, как до смерти Арескина, занимался коллекциями и библиотекой государя. Шумахер хорошо знал Лаврентия Блюментроста, с которым ему доводилось сотрудничать. Ранее мы уже упоминали о том, как Блюментрост передавал ему инструкции Арескина относительно распаковывания коллекции Рюйша.

Но как обстояло дело с другими его обязанностями, такими как ведение корреспонденции о лекарствах? Остался ли Шумахер секретарем Ивана Блюментроста? И как после смерти Арескина сложилась судьба тех заказов, которые поступали А. Себе?

Себа и смерть Арескина

В Амстердаме Себа узнал о смерти Арескина из новостных сообщений, и 17 января 1719 г. отправил письмо Шумахеру, в котором, возможно, выразил свои соболезнования, однако это послание мне не удалось найти. Со следующей почтой, 20 января, Себа без малейших церемоний написал Шумахеру, что очень обеспокоен тем, что все еще не получил причитающиеся ему деньги. Он предложил в качестве финансового стимула выплатить фирме «Парсонс и Вайдт», в прошлом уже переводившей деньги за лекарственные средства, комиссию, которую раньше получал Арескин. Однако он не хотел, чтобы они узнали, какую комиссию получал покойный Арескин. Себа также отметил, что ее сумма необязательно должна равняться той, что получал Арескин, так как тот всегда оплачивал счета вовремя. Произшедшую задержку Себа списывал на его болезнь⁷.

Перераспределение обязанностей покойного Арескина между двумя Блюментростами привело к тому, что Себа в феврале 1719 г. все еще не знал, кто в Петербурге уполномочен отправлять заказы на поставку товаров для придворных аптек⁸. Он спрашивал у Шумахера, кто взял на себя эту обязанность Арескина. А. Себе также было неясно, кто позаботится о тех счетах, которые еще не были оплачены. Он уже обращался в фирму «Ван Ромсвинкель и Варин», где ему сообщили, что туда не поступало никакого распоряжения от «Парсонс и Вайдт» о выплате ему денег ни в качестве компенсации его расходов в связи с кабинетом Рюйша, ни по еще не оплаченным счетам за аптечные товары, ни той суммы, что ему причиталась от покойного Арескина. Себа попросил Шумахера еще раз заверить Ивана Блюментроста в своей готовности поставлять лекарства.

В марте 1719 г. Себа предпринял еще одну попытку: он поручил своему секретарю написать письмо Шумахеру и собственноручно добавил строчку с просьбой

7 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 20 января 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 236–237.

8 «Мне необходимо знать, кто вместо господина Арескина получил полномочия заказывать материалы и должен ли я продолжать их поставлять. Мне бы очень хотелось это знать, чтобы я мог своевременно этим заниматься» (пер. с нем.). Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 17 февраля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 83–84.

«порекомендовать его господам Блюментростам». Кроме того, он спрашивал, живут ли все еще в Петербурге аптекари Грёнинген и Шталь⁹ (его бывший подмастерье), и передавал им поклонны, а также Гзеллю, который ранее переслал кому-то письмо через Себу¹⁰. (Амстердамский художник Георг Гзелль (1673–1740) в 1717 г. переехал в Санкт-Петербург вместе с женой Доротеей Марией Гзелль, урожденной Графф, чтобы работать в Кунсткамере.) Неразборчивая подпись Себы в конце письма создает впечатление, что он нервничал.

Себа не сдавался и решил прибегнуть к неординарным мерам, когда торговый агент России Кристоффель Брантс пришел к нему в Амстердаме за деньгами. Этот господин вручил Себе письмо Лаврентия Блюментроста с расчетами, по которым выходило, что Себа должен вернуть аванс, полученный им за несостоявшуюся покупку сферы для царя:

Получено Себой от князя Куракина	f 10 125,
из которых он перевел в Париж	f <u>1146:5:8.</u>
Оставшаяся сумма:	f 8978:14:8 по курсу банка, которую Блюментрост просил возвратить, выплатив Кристоффелю Брантсу.

Это требование разозлило Себу. 25 апреля 1719 г. он ответил Лаврентию Блюментросту, что несколько лет по поручению покойного Арескина за счет царя поставлял товары для придворных аптек Москвы и Санкт-Петербурга, а также для Адмиралтейской аптеки. Он указал, что сумма задолженности за 1717 и 1718 гг. составляла к тому моменту 15 472:3 гульденов, и, помимо этого, еще был не оплачен счет на сумму 2295:14 гульденов за те вещи, которые Себа отправил Арескину. Исходя из этого Себа заключал, что если Блюментрост хочет, чтобы Себа вернул Брантсу 8978:14:8 гульденов, то должен сначала покрыть неоплаченные счета, после чего Себа немедленно передаст деньги Брантсу. Себа также упомянул сумму, которую ему задолжал купец Хен Питерсзон Бодиско. Речь шла об оплате заказа, который пострадал при доставке. За два года до этого Себа отправил в аптеку Адмиралтейства два сосуда с териакон и митридациумом¹¹. На борту корабля снадобья пролили на партию табака. Табак начал преть, и из-за образовавшегося тепла териак и митридациум забродили, а сосуды, в которых они находились, лопнули. В результате Себа не получил причитавшейся ему суммы. Но так как товар в момент погрузки на корабль был в надлежащем состоянии, как следует из

9 Бывший ученик Себы Бальтазар Шталь письма писал редко. Себа не единожды передавал ему привет и пожелание отца получить от него письмо. Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 8 октября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 247–248.

10 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 10 марта 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 81–82 об.

11 Митридациум — средство от отравления, в состав которого входит большое количество ядовитых веществ. Предполагалось, что если принимать этот препарат, постоянно увеличивая дозу, то тело постепенно привыкает к яду и приобретает иммунитет. Териак — похожее по составу средство, содержавшее змеиное мясо.

сопроводительного коносамент, аптекарь полагал, что ущерб был нанесен не по его вине. Себа попросил Блюментроста ходатайствовать, чтобы Адмиралтейство ему заплатило за товар: «Речь идет о 3000 гульденов, и я не могу терпеть подобные убытки. Винават был не я»¹². К своему письму он приложил счет и коносамент груза в 20 килограммов камфоры для Адмиралтейской аптеки.

Это решительное письмо с обзором состояния дел, которое 25 апреля 1719 г. Себа послал «Лаврентию Блюментросту, первому лейб-медику, директору машин и библиотекарю Его Царского Величества в Санкт-Петербурге», носило характер окончательного расчета. На смену Арескину пришли новые люди, поэтому Себа хотел привести финансовые дела в порядок. Как закончился этот финансовый спор, нам неизвестно.

Тем не менее во второй половине июня 1719 г. Себа отправил со шкипером Вибе Сиверсом несколько пронумерованных ящиков Ивану Блюментросту. Этот груз Брантс заранее оплатил векселем архиатра на сумму в 1330 рублей, выписанным для оплаты «нового счета за московские аптечные товары»¹³. Как видно, Себе удалось получить новый заказ. Так же как во времена Арескина, аптечные товары для Москвы заказывал архиатр. Это обстоятельство стало темой переписки Себы с Шумахером, который пока продолжал выполнять обязанности секретаря¹⁴. Их письма о поставках аптечных товаров в придворные аптеки с 1719 по 1723 г. в Архиве Академии наук отсутствуют. Очевидно, письма о поставке лекарств, написанные после разделения обязанностей между двумя братьями Блюментростами, попали в другой архив.

Однако в Архиве Академии наук имеется переписка Себы с лейб-медиком и директором Кунсткамеры Лаврентием Блюментростом. Себа отправлял ему письма с полезными советами о коллекциях и научных инструментах и помогал пересылать в Петербург книги, термометры (23 октября 1721 г.) и — впервые — картины. В июне 1719 г. Себа написал Шумахеру, что не смог приобрести некоторые картины и что, как только он их найдет, дошлет¹⁵. Себа послал Л. Блюментросту некий груз. В письме аптекарь не перечислил его составляющие, но извинился за отсутствие двух *instrumenta physica* — они были еще не готовы, и он не хотел посылать их по отдельности. Кроме того, он сообщил, что пока не закончен заказанный Л. Блюментростом «*kabinet von der matheria medica*» («кабинет лекарственных веществ»). Далее в письме Себа обратил внимание Л. Блюментроста на приложение к книге о метаморфозах суринамских насекомых Марии Сибиллы

12 Письмо А. Себы Л. Блюментросту. 25 апреля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 35–36 об.

13 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру от 30 июня 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 234–235.

14 «Сегодня Сенат прислал в Медицинскую канцелярию распоряжение, которое подразумевает, что я больше не могу быть секретарем названной канцелярии...». И.Д. Шумахер Л. Блюментросту. 21 февраля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 230.

15 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 30 июня 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 234–235.

Мериан, которое только что увидело свет и в которое вошли «некоторые сообщения», «в том числе о метаморфозах лягушек»¹⁶. Дополнительный том с раскрашенными иллюстрациями стоил 30 гульденов, и Себа был готов его выслать. Он сообщил: «Кроме того, молодой Рюйш [Хендрик, сын Фредерика Рюйша] внес различные дополнения и поправки в *insecta* Джонстона»¹⁷. И еще Себа упомянул, что получил «также большое количество красивых раковин и птиц из Ост- и Вест-Индии»¹⁸.

В письме от 10 июля 1719 г. Шумахер сообщал Себе, что заказы благополучно прибыли. Последний в ответ еще раз попытался уговорить Шумахера содействовать ему в получении денег от архидиакона И. Блюментроста. Себа написал, что «отправленный кабинет не может вызвать никаких нареканий», так как «он содержит много превосходных объектов»¹⁹. Кроме того, в том же письме аптекарь попросил прислать ему пять-шесть *Radix Nisi*, если они свежие и хорошего качества.

В сентябре 1719 г. Себу постигла неудача. Он узнал, что заказ сделали его конкуренту из Гамбурга:

«То, что счет, полученный из Гамбурга, ничтожен по сравнению с моим и что там гораздо более низкий процент, имеет свою причину: препараты будут приготовлены таким способом, на который я не могу равняться, наилучшие ингредиенты стоят дороже всего. Я сам готов признать, что цены в Гамбурге ниже, чем здесь, однако, если внимательно приглядеться, дело там устроено таким образом, что они наживаются [на клиентах], а препараты привозят все же из Амстердама и продают их дороже. Мне не нравится их манера работы; работу следует выполнять так, чтобы за нее не было стыдно отвечать. Но я не могу упрекать Его Превосходительство в том, что он хочет попробовать [покупать препараты в Гамбурге]. Различия в качестве проявят себя»²⁰.

Подобный ход событий не предвещал Себе ничего хорошего. Как мы уже знаем, для него было очень важно, чтобы его клиенты делали заказы в самом начале года, поэтому, несмотря на то что он не получил ответа на свое письмо от 21 ноября, в феврале 1720 г. Себа все же попытался восстановить ухудшившиеся отноше-

16 Эта книга находится в отделе Библиотеки РАН при Зоологическом институте РАН: *Merian M.S. Dissertatio de generatione et metamorphosis insectorum Surinamensium. Accedit appendix transformationum piscium in ranas, & ranarum in pisces. Amsterdam, 1719.* Она включена под номером 105 в «Каталог "особого фонда" библиотеки Зоологического института АН России». СПб., 1994. С. 253.

17 *Jonstonus J. Theatrum universale omnium animalium Piscium, Avium, Quadrupedum, Exsanguium, Quaticorum, Insectorum et Anguium. 2 dln. Bezorgd door Henricus Ruysch. Amsterdam, 1718.*

18 Письмо А. Себы Л. Блюментросту. 30 июня 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 7.

19 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 15 августа 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 33-34 об.

20 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 19 сентября 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 249.

ния. В своем письме он выразил надежду на то, что «недовольство» осталось в прошлом, и признался, что не представляет, чем он мог оскорбить Блюментроста или Шумахера. И поскольку с 21 сентября он не получил от архиатра ни одного письма, а также денег за неоплаченный счет покойного Арескина, Себа попросил Шумахера посодействовать в получении причитавшейся ему суммы. В частности, он отметил: «Груз, отправленный год назад, был подарком архиатру, и на те [вещи], которые требовались ему для работы, [также] мы не обращаем внимания»²¹. Себа полагал, что время покажет, собирается ли архиатр и дальше заказывать у него необходимые аптечные товары. В конце письма он попросил Шумахера передать «обоим господам», что он готов им «предложить свои услуги»²². Себа сильно переживал, что также видно по постскриптому, в котором он спрашивает, желает ли еще Шумахер получить заказанные ранее два *instrumenta physica, Matheria Medica* и собрание монет²³. Как бы то ни было, в последующие годы Шумахер останется в числе постоянных корреспондентов Себы.

Справлялся ли Шумахер с заведыванием Императорской Кунсткамерой? Являлся ли он достойным хранителем двух больших амстердамских естественно-исторических коллекций?

Обустройство Кунсткамеры

Нам не очень много известно о тех разнообразных принципах, на основании которых производилась расстановка коллекций²⁴. Наши знания базируются на книгах о собраниях, в которых есть иллюстрации, позволяющие составить представление о расстановке экспонатов²⁵. Важными источниками информации являются также описания путешественников. Достоверно известно, что в то время еще не было строгих правил расстановки коллекций. Так, один путешественник писал, что у французского натуралиста Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффона (1707–1788), который с 1739 г. заведовал Королевским кабинетом в Париже, разные по своей природе экспонаты были выставлены вперемешку: «...между копытами зебры лежали различные высушенные рыбы и рептилии...»²⁶.

21 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 2 февраля 1720 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 92–93 об.

22 Там же.

23 Там же. Л. 93 об.

24 Барбара Жанна Бальсигер в 1970 г. опубликовала диссертацию, защищенную в Питтсбургском университете, о классификации экспонатов и философской подоплеке старых кунсткамер: *Balsiger B.J. The Kunst- und Wunderkammern. A catalogue raisonné of collecting in Germany, France and England 1565–1750*. Pittsburg: Proefschrift University of Pittsburg, 1970.

25 Представление об этом можно получить, посмотрев каталог выставки «The age of the marvelous» (Hanover, 1991), куда вошли все существующие иллюстрации.

26 *Pieters F. Het schatrijke naturaliënkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van topverzamelaar Arnout Vosmaer // Het verdwenen museum / Red. B.C. Slingers, M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002. P. 25.*

Бюффон был ярким противником предложенной Линнеем системы классификации животного мира по принципу «род — отряд — класс». Другие хранители коллекций также не могли привыкнуть к этой четкой классификации. Например, гагская коллекция *натуралий*, принадлежавшая штатгальтеру, была расставлена в соответствии с этой классификацией только в 1759 г.²⁷ За год до этого ученый опубликовал исправленную версию своей бинарной номенклатуры; первая версия датирована 1735 г.

В Петербурге Шумахер мог выбирать из многих существовавших к 1719 г. систем. Было бы интересно узнать, как он расставил объекты в Кикиных палатах (то есть как это было до переезда коллекций в новое здание Кунсткамеры — потому что у нас есть точное описание каждого экспоната в здании на Васильевском острове, с указанием номера полки и прочих деталей, которые даны в каталоге 1741 г.).

Нам известно, что коллекция Себы была большой и разнообразной. Об этом свидетельствует рукописный каталог «Описание различных великолепных Кабинетов, со всевозможного рода редкостями» (см. приложение II). Не вызывает сомнений, что, если приобретаемая новая коллекция попадала в руки Шумахера уже в упорядоченном виде, он сохранял имевшуюся систему классификации. Так, он расположил экспонаты коллекции Рюйша в том же порядке, в каком они были выставлены в Амстердаме, в доме коллекционера. Когда коллекция Рюйша прибыла в Петербург, у Шумахера уже был ее каталог на латыни, в котором очень подробно было описано, как и по каким шкафам и ящикам были распределены экспонаты. Л. Блюментрост, упаковывая коллекцию в доме Рюйша, следовал этому каталогу, и Шумахер использовал имевшуюся систему расположения экспонатов. Позднее, в 1776 г., другой хранитель Кунсткамеры, Иван Бакмейстер, опубликовал посвященный этой коллекции труд, в котором объяснил, почему препараты Рюйша расположены в соответствии с десятью «Тезаурусами»: так посетителям проще ориентироваться в коллекции²⁸. В каждом шкафу хранился Тезаурус, в котором описывалось, что в нем выставлено²⁹. У нас нет сведений о том, что относительно коллекции Себы Шумахер, как и в случае с коллекцией Рюйша, следовал классификации, предложенной Себой в «Notitie». Из переписки известно, что к моменту смерти Арескина, то есть к ноябрю 1718 г., Шумахер почти закончил составлять каталог царской Кунсткамеры («le Catalogue du Cabinet de S[a] Maj[esté]»)³⁰. Однако этот каталог до сих пор не найден.

27 Pieters F. Het schatrijke naturaliënkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van torpverzamelaar Arnout Vosmaer. P. 19–44, 25, 35. Ф. Питерс пишет о том, как утвердилась классификация К. Линнея.

28 Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. В. Костыгова. [СПб.], 1779. С. 110. В 1776 г. работа И. Бакмейстера была издана на французском языке.

29 Это свидетельство А.Т. Фортиа де Пиля (1758–1826), который посетил Кунсткамеру в 1790–1792 гг. См.: Сомов В.А., Фундаминский М.И. Библиотека Академии наук — достопримечательность Петербурга XVIII в. ... С. 38.

30 Письмо И.Д. Шумахера д'Онз-ан-Бре. 18 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 112 об. — 113. Письмо было написано после похорон Р. Арескина 22 декабря 1718 г.

В 1719 г., спустя год после составления этого каталога, в Кикиных палатах были открыты для посетителей библиотека и коллекции Себы и Рюйша, содержавшие препараты птиц и прочих животных, анатомические препараты, гербарии и некоторые *артифициалии*³¹. В 1720 г. царь демонстрировал некоторым иностранным гостям свои коллекции, выставленные в этом хорошо оборудованном здании, где помимо Шумахера работали три ученика и несколько слуг³². О расположении коллекций можно прочитать в заметках одного путешественника: «За городом, по направлению к [Смольному] монастырю, у реки Невы стоит небольшой каменный дворец, в котором его царская милость показал нам свою Анатомию [...] Дворец — двухэтажный, из него далеко видно...»³³.

Так участник польского посольства описывал Кунсткамеру³⁴. Не вызывает сомнения, что этот анонимный посетитель (его имя нам неизвестно) недавно открытой Кунсткамеры остался под большим впечатлением от удивительных вещей, которые ему там показали. Он посвятил этому событию значительную часть своих заметок о посещении Санкт-Петербурга, в которых описывал, как были расставлены в шкафах анатомические препараты Рюйша:

«Через сени с крыльцом входят в комнату, где в шкафах расставлено множество склянок. В них сохраняются головки маленьких детей — от годовалого и лет до трех, и они в этом спирте настолько свежи, что совсем как живые. Некоторые смотрят такими живыми глазами, словно ничто не нарушило их взгляда [...]. У других едва не брызжет живая кровь; где отнята голова, там кожа с телом кажется только вчера отрезанной. В других склянках хранят руки и ноги, на которых еще видны вены через кожу, словно бы живую. В следующей комнате склянки с образцами представляют все развитие человеческого плода — от первого зародыша до самого момента появления его на свет»³⁵.

Он имеет в виду часть коллекции Рюйша, которую Петр хотел перевезти в мае 1718 г. в Любек³⁶, — *антропологию*³⁷.

31 Кунсткамера и библиотека были размещены в Кикиных палатах незадолго до этого. Сам Шумахер называл годом открытия 1719. См.: Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 7. Дата официального открытия неизвестна. См.: Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук... С. 22.

32 *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 143.

33 Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 143.

34 Петербургский историк Ю.Н. Беспярых нашел эти анонимные записки о раннем Петербурге в малоизвестной польской газете, перевел их на русский язык и опубликовал вместе с другими записями иностранцев о Санкт-Петербурге. См.: *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 139–161.

35 Там же. С. 143.

36 Письмо Р. Арескина А. Себе. 2 мая 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 85.

37 Для этой коллекции был составлен особый каталог — во время ее упаковки в Амстердаме или по прибытии в Петербург. См.: СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 108а.

«Есть там еще различные монстры, как человеческие, так и звериные, и иные редкости, а также различные звери — чучела слонов, василиски, чучела рыб и высушенные рыбы с дивными мордочками. Немало здесь также морского тростника разных видов; еще великое множество слоновьих костей, привезенных из самого греческого государства, где некогда воевал Александр Великий и, защищая людей, выставлял слонов [...].

В трех других комнатах выставлена превосходная библиотека, в ней есть старые книги, возрастом в полторы тысячи лет, как высчитали отцы-иезуиты. Больше всего греческих, есть также много книг, напечатанных на славянском языке. Другие труды относятся к военному искусству и содержат [описание] новых способов, как атаковать города, замки и иные крепости. Много таких [книг] Его Величество царь повелел напечатать для молодежи. Кроме того, здесь находятся старые немецкие бибблии и много книг латинских, немецких, французских и русских больше чем на десять тысяч [рублей].

Собрание образцов зверей, сохраняемых в бутылках, столь же богато, как и человеческих. Немало также птиц всяких видов и расцветок. Здесь есть страусы, красные аисты, сипы, индийские вороны, попугаи трех видов и много иных птиц, названия которых неизвестны. Нам показывали разных птичек — белых, красных, синих, желтых, так красиво окрашенных, что сам царь их целовал. Среди них были птички маленькие, как сверчки; другие же с хвостами длиной в два локтя, а сама птица — гладкая, как палка, и когда летит, то лишь слегка распускает хвост; сама синяя, а хвост черный и клюв белый. Другие были красные с белыми хвостами, а перья у них мелкие и густые [...]. Были там также дивные [летучие?] мыши с песьими мордами и бабочки удивительного вида. Когда такая бабочка раскроется, то будет величиной с оловянную тарелку. Цвета она синего с красными, белыми и черными каплями на крыльях. Мы видели также саранчу, о которой говорят, что св. Иоанн Креститель кормился ею в пустыне. Показывали нам также янтарь и рассказывали, как он рождается [...]. Было там также чучело дикаря, найденного мертвым с двумя лодками; [...]. Здесь трудно описать все виденное, так как и при писании уже забылись особенно морские предметы, чешуя рыб, раки и т.п.

Здесь держат мальчика, которому теперь лет пятнадцать и который лицом и головой очень похож на обезьяну; на руках и ногах у него всего по два одинаковых пальца, не такие, какие должны быть у человека. Этот мальчик своими пальцами пожимал руку его царской милости.

Анатомию должны перенести во дворец, строящийся [...] на острове; в теперешнем здании уже слишком тесно, так как редкости все прибывают»³⁸.

Так описывал Кунсткамеру член польского посольства. Чего еще не хватало царской Кунсткамере?

38 *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 143–144.

Шумахер отправляется в Европу

В феврале 1721 г. по приказу царя Шумахер отбыл во Францию, немецкие земли, Голландию и Англию. В числе прочего ему было поручено проверить, каких экспонатов не хватает царской Кунсткамере, и по возможности их приобрести. Шумахер получил следующие инструкции:

- «1. Карту Каспийского моря и писание от Вашего Императорского Величества академии де сцианс (наук) вручить³⁹.
2. С моделей в обсерватории [в Париже] обретаемых машин рисунки взять.
3. О рукодельниках и инструментах, их зачатой книге (sic) и эстампах, такожде тубе акустице от отца Себастиана⁴⁰ уведомиться.
4. С господином старшим Дювернеем⁴¹ для анатомии, из воску сделанной, справиться.
5. Господина Делиля⁴², астронома и географа, и господина Дювернея-младшего, анатомика в Париже, в службу Вашего Императорского Величества принять.
6. В Немецкой земле господина профессора Вольфа⁴³.
7. С Орфиреом⁴⁴ о перпетууме мобиле говорить, ежели возможно будет и господин Вольф за полезное рассудит, о том с ним договариваться.
8. Огородника, который у господина де ла Курта⁴⁵ в Лейдене работал, сюда прислать.
9. Господину Фаренгейту термометры, носящие и морские, и господину Мусенброку машины и инструменты, к физике экспериментальной принадлежащие, сделать повелеть.
10. Из Англии промыслить такого человека, который бы с экспериментами обходиться и инструменты, к тому принадлежащие, изготовлять мог.

39 Эта карта Каспийского моря стала результатом данного царем поручения К.П. фон Вердену и Ф.И. Соймонову нанести на карту морской путь в Персию. Карта была опубликована сначала Мореходной академией в Санкт-Петербурге, а позднее — Г. Делилем и И.Б. Хоманном.

40 Отец Себастьян, он же Жан Трачет, был знаменитым физиком и изготовителем инструментов.

41 Анатом Жозеф Гишар Дюверней. По свидетельству хранителя анатомических коллекций МАЭ РАН Анны Борисовны Радзюн, в коллекции петербургской Кунсткамеры хранится восковой препарат его работы.

42 Жозеф Николя Делиль (1688–1768), географ и астроном, в то время профессор Коллеж де Франс.

43 Немецкий философ Христиан фон Вольф (1679–1754).

44 Орфиреус — псевдоним Иоганна Эрнста Элиаса Бесслера (род. в Циттау в Саксонии, 1680–1745).

45 Специалист по устройству садов и торговец предметами искусства Питер де ла Кур ван дер Воорт.

11. Музея ученых людей, как публичные, так и частные, посещать и из того усматривать, в чем Вашего Императорского Величества музеем с оными разнится; ежели чего в музее Вашего Величества не обретается, (то) оный недостаток наполнить тщится или хотя советовать, как оный недостаток наполниться может.
12. Стараться полную библиотеку Вашему Императорскому Величеству промыслить.
13. И с учеными корреспонденцию произвести для умножения художеств и наук в Вашего Величества государствах, а наипаче для сочинения сочинения наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»⁴⁶.

Архиатр Иван Блюментрост также дал Шумахеру несколько поручений. Он попросил прислать в Петербург нескольких лекарей и опытного врача и, если возможно, искусного хирурга, заказать два ящика хирургических инструментов у лучшего мастера в Париже и «также и искушаться, каким образом в тех краях медицинские дела отправленияются»⁴⁷.

Письма

Шумахер отсутствовал полтора года. По возвращении он представил царю подробный отчет. Переписка, которую Шумахер вел во время путешествия и которая по большей части сохранилась, является важным дополнением к его отчету. Из нее следует, что, совершая эту поездку по университетам, библиотекам и колледжам, Шумахер пользовался услугами агента царя в Амстердаме Йоханнеса ван ден Бурга (ок. 1670–1731), значимой фигуры в области русско-голландских культурных связей. Шумахер посылал через него свои приобретения в Санкт-Петербург, а Ван ден Бург обеспечивал его денежными средствами. Еще в 1719 г., во время прошлой поездки Шумахера в Париж, Ван ден Бург снабжал его деньгами и полезными советами⁴⁸.

В конце мая 1721 г. Шумахер находился в Амстердаме. Тогда с ним связался живший в Лейдене Й. ван Мушенбрук. У него были готовы заказанные ему два инструмента, которые он хотел переслать Шумахеру:

«Милостивый государь,

Смею надеяться, что ящичек, который я посылаю Вашему Превосходительству, Ваше Превосходительство получит в желаемом месте [назначения] в хорошем состоянии, в чем не приходится сомневаться, если этот ящик с аппаратом поместят на корабле сверху, при этом на нем будет

⁴⁶ Пекарский П.П. Наука и литература в России... Ч. 1. С. 533–534.

⁴⁷ После списка инструкций следует подробный отчет Шумахера о его поездке. См.: Пекарский П.П. Наука и литература в России... Ч. 1. С. 533–534 и далее.

⁴⁸ Шумахер в августе 1719 г. уже побывал в Париже. См.: Письмо Й. ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 8 августа 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 141–141 об.

написано “Наверх”. Далее позвольте сообщить, что Ваше Превосходительство найдет его таким образом упакованным, что в случае, если откроется та сторона, на которой написано СВ, то все будет в порядке. Волшебный фонарь находится внутри камеры-обскура, когда ее вынут из ящичка, она легко откроется, после чего следует извлечь два гвоздя в основании фонаря. Если его приподнять, то его можно будет извлечь через дверцу в камере-обскуре. В ящичке уже упакованы части для камеры-обскуры; гвозди в самом ящичке, как и по бокам его, служат для закрепления упаковки, их следует аккуратно вытащить, чтобы не произошло никаких неприятностей с одеждой. В фонаре упакованы все необходимые для него части, а у основания есть зеркальце, предназначенное для камеры-обскуры. Кроме того, все обстоятельно зарисовано и упаковано в бумагу таким образом, чтобы не могло двигаться из стороны в сторону. За сим, желающий Вашему Превосходительству безопасного путешествия и всего хорошего и уповающий на милость Вашего Превосходительства, остаюсь я, со всем уважением [к Вам], милостивый государь, покорный слуга Вашего Превосходительства,

Й. в. Мушенбрук

Дата: 29 мая. P.S.: По моему скромному суждению, было бы недурно, чтобы в понедельник утром кто-нибудь побывал на судне, дабы проследить за тем, как обращаются с ящичком, иначе с ним довольно грубо обойдутся и будут перекачивать с бока на бок»⁴⁹.

5 июля 1721 г. Шумахер находился в Лейдене. Он побывал в мастерской Й. ван Мушенбрука, чтобы осмотреть подготовленные для него инструменты. Он пока оставил их в мастерской, так как хотел, чтобы сначала их оценил профессор физики Гравезанд. Подобное недоверие к мастеру, не имевшему университетского образования, было в то время довольно частым явлением.

У Гравезанда он встретил французского политического беженца Темизеля де Сент-Иасента (1684–1746). Сент-Иасент вернулся из Парижа и в 1720–1722 гг. жил в Нидерландах. Гравезанд и Сент-Иасент вместе издавали «Journal littéraire» («Литературный журнал»), который они основали в 1713 г. в Гааге. Это был новый европейский журнал, над которым работал также Юстус ван Эффен (1684–1735)⁵⁰. Помимо этого, Сент-Иасент интересовался физикой. Он, так же как Локк и Ньютон, предпочитал экспериментальные исследования, а не теоретическую полемику, как Декарт и Лейбниц. С 1723 по 1731 г. Сент-Иасент жил в Лондоне, где вращался в кругах, близких к Лондонскому королевскому обществу, членом которого он был избран в 1728 г. Вернувшись в Россию, Шумахер продолжал поддерживать связь с этим французским философом⁵¹.

49 Письмо Й. ван Мушенбрука И.Д. Шумахеру. 29 мая 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 216–217 об.

50 Carayol E. Thémiseul de Saint-Hyacinthe 1684–1746. Oxford, 1984. P. 27.

51 Письмо И.Д. Шумахера В. Гравезанду. Ок. 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 366.

de l'homme qui
 sont pas encore payez, cause de notre voyage, vous
 me feriez encore un plus sensible, si vous eussiez
 la bonté d'insérer dans la votre quelque personne
 sollicitée très-fort pour cet argent. Jardon Moxfield
 si vous savez de la peine, je vous offre en échange
 mes services si vous les trouvez capables, en toutes
 ces occasions, étant avec beaucoup de respects
 Moxfield
 à 1.º Peterb. ce 10.º de May
 1723
 Mon épouse et moy, Pierre, salutent
 et toute votre agréable famille.

votre très-humble et
 très-obeïssant serviteur
 J. Schumacher

Письмо И.Д. Шумахера Питеру де ла Куру ван дер Воорту в Лейден.

г. Санкт-Петербург. 10 мая 1723

Библиотека Амстердамского университета HSS 135 Vn.

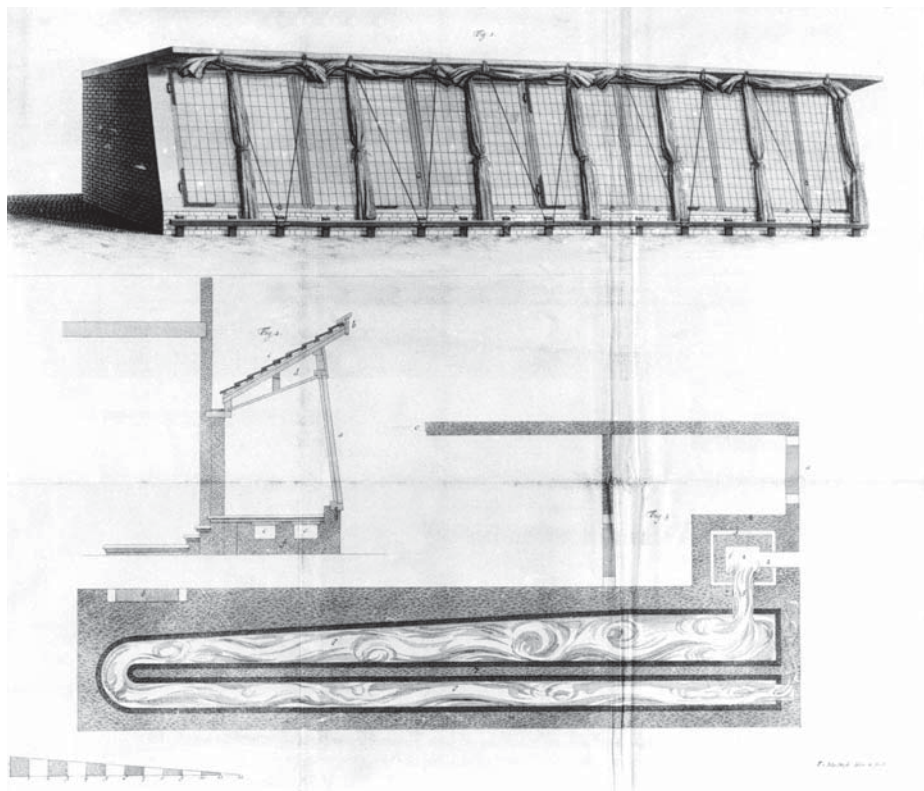
В Лейдене Шумахер посетил торговца сукном и садового архитектора Питера де ла Кура ван дер Воорта, который на рубеже XVII–XVIII вв. был виднейшим коллекционером произведений искусства.

Следуя инструкциям Лаврентия Блюментроста, Шумахер должен был попросить Питера де ла Кура отправить в Россию его садовника. Де ла Кур написал позднее Л. Блюментросту о визите Шумахера, благодаря чему мы можем узнать о его действиях во время встречи. Де ла Кур начал свое письмо с приторно сладкой речи в адрес царя⁵² и положительно отзывался о Шумахере, который, когда они обедали, очень мало говорил⁵³. Де ла Кур написал письмо не только Л. Блюментросту, но и царю. После ухода Шумахера коллекционер отправил ему в лейденскую гостиницу, где тот остановился, сообщение, в котором говорилось, что де ла Кур послал по почте ананас для царя и хотел пригласить Шумахера посмот-

52 «Глубокое почтение [испытываемое мной] к прославленному и августейшему Монарху, преисполнившая меня божественная и чудесная мудрость заставляет меня обратиться к Вашей милости и заверить Вас в своем безграничном горячем желании угодить как Его Императорскому Величеству, так и всем Его представителям» (пер. с фр.). Письмо де ла Кура ван дер Воорта Л. Блюментросту. 26 марта 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 400–401.

53 Там же.

Питер де ла Кур ван дер Воорт написал книгу о садоводстве и строительстве теплиц. Из переписки следует, что де ла Кур выступал в качестве советника торговых агентов Петра I при покупке произведений искусства в Нидерландах. Помимо этого он послал царю Петру ананас, предоставил ему план строительства отапливаемой теплицы и инструкции по выращиванию ананасов. Кроме того, он обучал русских садовников искусству разведения растений в теплицах.

Pieter de la Court van der Voort. Byzondere aenmerkingen over het aenleggen van pragtige en gemeene landhuizen, lusthoven. Leiden, 1737. (Питер де ла Кур ван дер Воорт. Замечания об устройстве роскошных и простых загородных домов, увеселительных парков.)

Библиотека Вагенингенского университета

реть, как аккуратно плод упакован в ящичек, но почта отбыла раньше. Де ла Кур послал Шумахеру в гостиницу и сопроводительное письмо к царю насчет ананаса⁵⁴. Он писал Петру I о том, что Шумахер предложил отправить Его Величеству ананас в надежде, что этот плод придется ему по вкусу, а также о том, что Шумахер действительно приложил все усилия, чтобы уговорить садовника де ла Кура

⁵⁴ Письмо де ла Кура ван дер Воорта И.Д. Шумахеру. 5 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 240–241.

поступить на службу к русскому царю, но успеха в этом не достиг. Коллекционер полагал, что лучше прислать из России в Нидерланды кого-нибудь, кто поступит в ученики к его садовнику, а тот обучит его без лишних затрат и хлопот. Де ла Кур предупредил Шумахера, что предпочтительнее прислать юношу в возрасте от 20 до 30 лет, сообразительного и послушного, из простой семьи, желательно говорящего по-голландски или по-немецки и уже ранее занимавшегося садоводством, но под чьим-то руководством. По его мнению, обращению с садовым инвентарем проще обучить несведущего человека, чем того, кто думает, что уже все знает. У царя пока не было теплиц с виноградом, и де ла Кур полагал, что садовник, обученный работать в теплице, пригодится русскому монарху. Если юноша проявит усердие и талант, то обучение займет два года. Де ла Кур направил царю план своей «отапливаемой виноградной теплицы»: это была улучшенная версия той «отапливаемой теплицы», план которой он уже посылал. Теперь она была спроектирована как внутренняя постройка в обрамлении внешнего здания — для лучшего сопротивления морозам. В любое время в теплицу можно было зайти, чтобы наблюдать за растениями, ухаживать за ними, и выйти из нее, не боясь запустить холод внутрь. Де ла Кур начертил план такой теплицы, с двумя печками по обеим сторонам. Все это он изложил в своем письме государю⁵⁵.

В Лейдене Шумахер посетил также издателя и книготорговца Пьера ван дер Аа, который показал ему имевшиеся у него книги. Шумахер предложил Ван дер Аа поставлять книги в царскую библиотеку на регулярной основе и каждые полгода посылать счет одному из представителей царя в Нидерландах, который будет производить оплату.

В июле 1721 г. Шумахер остановился в гостинице «'t Wapen van Embden» на Ньювендаик в Амстердаме. Здесь он написал черновик письма Лаврентию Блюментросту о том, что успел сделать. Шумахер сообщил, что посетил в Амстердаме все кабинеты и сделал записи о самых лучших из них. У Себы он приобрел несколько *натуралий*, которые отсутствовали в Петербурге. Он заказал термометры, а также шкафчики для *Materia Medica*. Кроме того, осмотрел кабинет де Вильде (это было собрание гемм, медалей, монет и фигурок, которое наследники коллекционера собирались продать), а также «атлас» (собрание гравюр и графики) Бундермакера. «Им нет равных», — заключил Шумахер⁵⁶. Он писал, что оставил все инструменты, предназначенные для физических опытов, у Мушенбрука, чтобы сначала проконсультироваться с Гравезандом⁵⁷. Неделю спустя Шумахер написал, что с нетерпением ожидает решения по поводу приобретения кабинета де Вильде и атласа Бундермакера.

55 Письмо де ла Кура ван дер Воорта Петру I. 7 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 236–237. Об ананасе и цветах де ла Кур написал царю отдельное сопроводительное письмо 18 июля 1721 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 242–243.

56 Письмо И.Д. Шумахера Л. Блюментросту. Амстердам. 18 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 132.

57 Письмо И.Д. Шумахера Л. Блюментросту. Амстердам. 11 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 131 об.

Письма Шумахера также дают представление о том, как он выполнял поручение пополнить библиотеку. Он занимался этим со знанием дела и упорством. Книготорговец, к которому он обратился, понял, что должен сделать все от него зависящее, чтобы удовлетворить пожелания Шумахера. В Лейдене Шумахер заказал несколько книг у Пьера ван дер Аа. Одну книгу — англоязычное издание книги Г. Бургава «*Methodus Studendi Medicinam*» — Ван дер Аа найти не смог. Он даже обратился к английским студентам, у которых имелась эта книга, но они отказались ее продать. Книготорговец связался с самим Бургаве, но тот сообщил, что ему ничего не известно об этой книге⁵⁸. Ван дер Аа помогал Шумахеру советами и подсказывал решения. Послав ему книгу «*Sphaera Copernica plano*», книготорговец приложил к ней два каталога⁵⁹ и предложил приобрести у него также «*Index Alter Plantarum Horti Academiensis Leidensis*» Г. Бургаве (в двух частях с иллюстрациями⁶⁰), «Разговоры» Эразма Роттердамского на французском языке в переводе Николя Гудевилля (ок. 1652–1721) в шести частях⁶¹, «Комедии» Плавта в переводе на французский того же Гудевилля (в десяти частях⁶²). Ван дер Аа написал Шумахеру, что забыл показать ему эти книги в Лейдене и сообщил, что согласен с предложенной ему системой оплаты⁶³.

В своем официальном отчете Шумахер рассказал о посещении коллекции Левинуса Винсента в Харлеме. Он особо отметил насекомых, которых там увидел: Шумахер еще нигде не встречал такое богатое собрание бабочек. Также он посетил Фредерика Рюйша. Анатом был уже очень стар, но, несмотря на это, почти заполнил четыре новых кабинета, доложил Шумахеру⁶⁴. Таким образом, мы видим, что Шумахер посетил тех же коллекционеров, у которых в свое время побывал Петр I: А. Себу, Л. Винсента, Фр. Рюйша и наследников де Вильде. Во время пребывания Шумахера в Голландии на аукцион был выставлен кабинет Николаса

58 Существовали и неавторизованные переводы книг Г. Бургава, например: «*A method of studying physick. Containing what a physician ought to know [...] the theory and practice of physick: physiology, pathology, surgery, diet, &c. And the whole praxis medica interna...*». L., 1719. В Библиотеке РАН в 1995 г. я видела книгу «*Boerhaave's Aphorisms: concerning the knowledge and cure of diseases*» (L., 1715. 4).

59 Один из них — *Wolferdus Senguerdus, Jacobus Gronovius, Johannes Heyman. Catalogus [...] bibliothecae [...]. Lugduno Batavae. Leiden, 1716* — находится в Библиотеке РАН (8745.9/22231R-233). С 1716 г. Пьер ван дер Аа издавал каталоги печатных и рукописных изданий, принадлежавших Лейденскому университету.

60 *Boerhaave Herman. Index alter plantarum quae in Horto Academico Lugduno-Batavo aluntur. 2 vol. Lugduni Batavorum: sumptibus Auctoris & prostant apud Petrum Vander Aa, 1720.*

61 *Les colloques de Erasme: ouvrage très intéressant, par la diversité des sujets: 6 t. / Trad. de [Nicolas] Gueudeville. À Leide: chez Pierre van der Aa, Boudouin Jansson vander Aa, 1720.*

62 *Les comédies de Plaute nouvellement traduites, en stile libre, naturel et naïf; avec des notes et des reflexions... / Trad. et comm. de Monsr. [Nicolas] Gueudeville. 10 t. À Leide: chez Pierre van der Aa, 1719.*

63 Письмо П. ван дер Аа И.Д. Шумахеру. 24 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 232–232 об. Опубл.: *Копанев Н.А.* Голландский издатель Пьер ван дер Аа и библиотека Петербургской академии наук... С. 46. Однако у Н.А. Копанева письмо датировано 19 июля 1721 г.

64 *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом... С. 550.

Шевалье (1661–1720). Это собрание царь ранее тоже посещал. Помимо всего прочего Шумахер купил старинные масляные светильники и камеи. Также он приобрел «полное собрание конхилиев, минералов и рисунков»⁶⁵ у амстердамского архитектора и коллекционера Симона Схейнвута (1652–1727)⁶⁶. Мы не будем перечислять все европейские коллекции и библиотеки, которые посетил Шумахер, а также всех ученых и изготовителей инструментов, с которыми он общался во время своего путешествия, — полный отчет о его поездке опубликован П.П. Пекарским⁶⁷. Однако мы сделаем исключение для торжественного приема в Академии наук в Париже, так как это событие демонстрирует участие России в европейской дискуссии, которая велась в «Республике исследователей природы».

4 августа 1721 г. Шумахер прибыл в Париж, где пришел на прием к аббату Биньону, президенту Академии наук. Шумахеру предоставили возможность выступить с речью на открытом заседании, которое должно было состояться на следующий день, в присутствии регента, зачитать письмо русского царя и представить новую карту Каспийского моря, о которой говорилось в письме царя⁶⁸. В день заседания, назначенного на три часа, к Шумахеру утром пришел Жозеф Николя Делиль (1688–1768). Они рассмотрели карту, после чего отправились в Лувр. Фонтенель представил Шумахера членам академии. Сначала Шумахер зачитал письмо царя о карте Каспийского моря, а затем письмо Лаврентия Блюментроста. Последний подробно излагал, какие исправления были нанесены на карту, а далее объяснял, каким образом в России планируется создать Академию наук и какие шаги к этому уже предприняты. Зачитав письмо, Шумахер продемонстрировал «специмен орнитологии» — краткое описание птиц, которых доктор Мессершмидт изучал в Сибири. Членов академии поразили планы грядущего основания Академии наук в России и методика Мессершмидта, и после того, как они высказали пожелание, чтобы история природы всех других областей России была бы описана так же подробно, Делиль дал поручение скопировать «специмен орнитологии», чтобы включить в «Мемуары» академии.

Шумахер в своем отчете также сообщал, что, когда в Лувре стало известно о том, что он занимает должность царского библиотекаря, ему порекомендовали богаче одеваться и взять совершенно иной экипаж, подобающий представителю русского монарха.

На второй день он в соответствии с полученными от Блюментроста инструкциями посетил обсерваторию, чтобы заказать там рисунки имеющихся инструментов⁶⁹.

65 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 549.

66 О Схейнвуте см.: Roemer G.M. van de. De geschikte natuur: theorieën over natuur en kunst in de verzameling van zeldzaamheden van Simon Schijnvoet (1652–1727). Amsterdam, 2005.

67 Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 гг. // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 533–558.

68 Там же. С. 533, 535.

69 Там же. С. 535–536.

Себа помогает Шумахеру приобрести и отправить в Россию два термометра

Из опубликованного отчета Шумахера известно, что он купил у Себы несколько недостававших Кунсткамере животных. Из переписки следует, что Себа также помогал Шумахеру приобретать дорогостоящие объекты у третьих лиц. В октябре 1721 г. Шумахеру, находившемуся тогда в Берлине, пришла посылка с двумя термометрами, которые Себа получил от Габриеля Фаренгейта; они были надежно упакованы в кожаный футляр и двойной чехол. В письме Себа выразил надежду, что термометры дошли до адресата в хорошем состоянии. Он также написал, что поссорился с Фаренгейтом, обнаружив в выставленном им счете, что стоимость каждого термометра на 12 гульденов выше, чем при продаже другим покупателям. Фаренгейт разозлился и повел себя некрасиво по отношению к А. Себе. Они не смогли договориться. По мнению Себы, у Фаренгейта скверный характер. Себа закончил свое письмо напоминанием, что все еще не получил денежного перевода от Ивана Блюментроста, хотя тот ему твердо обещал его прислать. Ранее И. Блюментрост заверял Себу, что через 14 дней после получения заказа пришлет оставшуюся сумму, которая на тот момент составляла 14 810,35 гульденов, не считая оставшихся 2000 гульденов, причитавшихся аптекарю с давних пор еще за его коллекцию. Себа понимал, что из-за подобных неприятностей Шумахер не станет сокращать свою поездку, но все же просил еще раз напомнить Ивану Блюментросту о неоплаченном счете⁷⁰.

Шумахер побывал и в Лондоне. 3 апреля 1722 г. он проживал в гостинице «Crown Western»⁷¹. Сначала он путешествовал инкогнито — в 1716 г. английский король Георг I обвинил Петра I в сговоре против его короны, но, заметив благосклонное отношение к себе и своему патрону, Шумахер стал называть свое настоящее имя. Он посетил Лондонское королевское общество; в своем отчете Шумахер перечислял, с кем ему удалось там побеседовать⁷².

Коллекция Якоба де Вильде и атлас Теодора Бундермакера

В письме из Амстердама Шумахер обратил внимание Л. Блюментроста на «сборный атлас» (собрание произведений печатного и графического искусства) покойного Теодора Бундермакера: «...Атлас, который из 102 книг состоит [...]. Содержит бо не токмо лучшие генеральные и специальные карты, но и описание начальнейших улиц и городов всякой провинции, также и образы державу имеющих господ, и рисунки баталий, которыя в каждой провинции делались»⁷³.

70 Перечитав письмо, А. Себа обнаружил в нем ошибку. Он написал, что послал термометры во Франкфурт господину Этглингу. Однако термометры были отправлены напрямую в Берлин господину Захарию Негелину. См.: Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 23 октября 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 266–267.

71 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 3 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 365–366.

72 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 545.

73 Там же. С. 550.

Царь с детских лет был знаком с «*Papierkunst*» — печатным и графическим искусством на бумажной основе — и решил приобрести эту коллекцию. Для этого он обратился за помощью к Кристоффелю Брантсу. Шумахер уже две недели находился в Лондоне, когда Ван ден Бург сообщил ему, что атлас Бундермакера купила «вдова Мутьенс за 8000 гульденов»⁷⁴. Ван ден Бург полагал, что она приобрела атлас по просьбе князя Куракина. Брантс, которому предстояло доложить царю о том, что он не справился с поручением, иначе объяснил произошедшее. По его словам, он попробовал «осторожно договориться о покупке для царя за разумную цену», но ему это не удалось, «так как он слишком поздно получил данное поручение»: «21 марта/1 апреля [1722]⁷⁵ все Атласы были проданы на публичных торгах графу Тарокка, послу португальского короля, который заплатил за него немногим менее 1000 [талеров?]⁷⁶. Брантс просил Блюментроста передать это сообщение царю.

В 1721 г. Шумахер также обратил внимание царя на коллекцию Якоба де Вильде. Коллекционер умер в том же году, и вот теперь, почти через год, Кристоффель Брантс получил задание более подробно узнать о его собрании. Наследники дали ему список (см. приложение VI), который он послал Л. Блюментросту с тем, чтобы тот вручил его царю: «В списке перечислены все древности, памятные медали, а также много старых и новых редкостей»⁷⁷. Цена показалась Брантсу высокой: наследники оценили коллекцию в 20 тысяч рейксдальдеров. Правда, они намекнули, «что их удовлетворит и меньшая, но не гораздо меньшая сумма»⁷⁸. Он полагал, что резидент де Вильде⁷⁹ сможет дать более подробные объяснения. Также Брантс добавил, что в случае, если царь рассматривает возможность покупки этой коллекции, он должен попросить кого-нибудь, кто разбирается в древностях и медалях, еще раз ее осмотреть. По мнению Брантса, некоторые из них были очень ценными⁸⁰.

74 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 17 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 367–368.

75 30 марта 1722 г. «сборный атлас» (коллекция графики) Теодора Бундермакера был выставлен на торги. Объявление в газете «*Amsterdamse courant*» описывало коллекцию следующим образом: «Атлас состоит из 103 частей [...] Карты, планы городов, портреты, море и поля битв, осады, загородные дома и дворцы...» (*Amsterdamse Courant*. 1722. 30 марта).

76 Письмо Кр. Брантса Л. Блюментросту. 14 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 103–104.

77 Там же.

78 Наследники не хотели продавать кабинет по частям и пытались найти покупателя, который приобретет его целиком. Они ждали до 5 апреля 1740 г., после чего коллекция ушла с молотка. Кабинет принес 5361,30 гульденов. Три картины были проданы с аукциона еще в 1738 г. Одна картина Яна ван дер Хейдена была продана за 214 гульденов 80 центов. «Рождение Христа» и картина де Витте принесли по 100 гульденов. В Королевском бюро по искусствоведческой документации в Гааге хранится каталог этой коллекции. См.: *Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum*. 1951. No. 38. P. 90–91.

79 Голландский резидент в Петербурге Виллем де Вильде, сын Якоба де Вильде.

80 Письмо Кр. Брантса Л. Блюментросту. 14 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 103–104.

Царь не стал покупать коллекцию де Вильде. На это у него были причины. В 1721 г. Шумахер уже приобрел для него большое собрание серебряных и золотых монет и медалей у немецкого коллекционера Иоганна Людерса. Вместе с коллекцией был доставлен каталог с ее описанием⁸¹. Позднее, в 1738 г., были приобретены монеты и медали из той же коллекции, изготовленные из неблагородных металлов. Коллекция монет и медалей Кунсткамеры была сформирована по большей части из этих экспонатов.

16/27 мая 1722 г. Шумахер послал из Амстердама письмо Гравезанду, напомнив ему об обещании, данном при их встрече в Лейдене: письменно изложить царю свое мнение о *perpetuum mobile* Орфиреуса (1680–1745) из Касселя. Библиотекаря интересовало, может ли это изобретение, попав в руки к искусному математику, принести выгоду и не пытается ли изобретатель его обхитрить⁸².

31 мая Гравезанд ответил, извинившись за то, что не смог написать ранее, так как три дня был в отъезде:

«Машина Орфиреуса кажется мне весьма необычной, но, так как я не видел ее внутреннего устройства, я не могу сообщить ничего позитивного относительно ее использования, но я не сомневаюсь, что по прошествии времени от нее будет польза при условии, что это, — как уверяет ее создатель, и что мне кажется вполне вероятным, — настоящий *perpetuum mobile* [...] Исключено, чтобы *perpetuum mobile*, даже если его никогда не удастся найти, не имел большой пользы. В особенности раз такой великий монарх, как Его Величество, хочет работать над его усовершенствованием, осмелюсь все же утверждать, что подобные большие машины существуют [...] Чтобы избежать обмана со стороны Орфиреуса в контракте, который с ним заключат, следует оговорить, что машину осмотрят изнутри некоторые математики и что его создателю заплатят не раньше, чем изобретение будет признано настоящим *perpetuum mobile*, но при этом в контракте не следует упоминать того факта, что покупатель надеется извлечь выгоду из аппарата, для чего собирается взять на службу нескольких математиков [...]. Я надеюсь, что любовь царя к наукам вырвет эту машину из рук ее создателя, которому она не приносит никакой пользы»⁸³.

В конце 1717 г. Гравезанд, английский изготовитель физических инструментов Джон Роули и немецкий философ Христиан фон Вольф (1679–1754) уже присутствовали на эксперименте, во время которого, судя по письму Гравезанда

81 Хорошее представление о том, насколько была богата эта коллекция, дал О.Я. Неверов: *Neverov O.Ya. Ancient coins // The paper museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Red. R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 271–273.*

82 Письмо И.Д. Шумахера В. Гравезанду. 27 мая 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 146 об.

83 Письмо В. Гравезанда И.Д. Шумахеру. 31 мая 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 281–282.

к Ньютону, машина Орфиреуса с блеском прошла проверку⁸⁴. Имя Орфиреус было псевдонимом немецкого физика Иоганна Эрнста Элиаса Бесслера, который по приглашению Карла, ландграфа Гессен-Касселя (1654–1730), в обстановке глубокой секретности трудился над созданием своего изобретения. Он никому не показывал, как работает его машина. Только ландграф видел внутреннее устройство аппарата, скрытого под куском парусины. Лондонское королевское общество также проявляло интерес к этой машине — ее хотели приобрести, рассчитывая на экономическую выгоду, которую она могла бы принести. В наше время известно, что *perpetuum mobile*, или вечный двигатель, — находящийся в вечном движении аппарат, запущенный однажды и продолжающий движение без дополнительной энергии, — по законам динамики не может существовать. Сама идея вечного двигателя противоречит закону сохранения энергии. Однако Роули, фон Вольф и Гравезанд поверили в эту машину. Очевидно, в то время еще не все были убеждены в том, что законы динамики верны и не знают исключений.

Шумахер приобретает картины для Кунсткамеры

Из писем мы можем многое узнать о том, как собиралась коллекция картин царя Петра. Когда обустройство Летнего дворца в городе и загородного парка в Петергофе с находящимися там Большим дворцом, малыми дворцами Монплеизир, Марли и Эрмитаж достигло финальной стадии, Петр приобрел значительное количество картин, в основном в Голландии. В СПФ АРАН я обнаружила инвентарную опись петровских дворцов «Описание собрания картин в Марли и Монплеизире в Петергофе [...] Георга Гзелля и Якоба Штелина. 1737»⁸⁵. Приложив некоторые усилия, картины из этой описи удалось увязать с аукционными списками и отчетами о покупках, в том числе русского архитектора Юрия Кологринова (не позднее 1692–1754), который обучался в Италии и Нидерландах. Оказалось, многие картины были приобретены в одно и то же время.

Для Петра покупалось много картин, но это не означает, что он был большим поклонником живописи. Семнадцатилетний Андрей Матвеев (1701/1704–1739), ученик амстердамского художника Арнольда Боонена (1669–1729), был отправлен на учебу в Голландию не Петром, а Екатериной I. Русский торговый агент Ван ден Бург докладывал об успехах этого юноши непосредственно ей, а не Петру⁸⁶.

84 Lettre à Mr. Newton, sur une machine inventée par Orffyreus // Mercure historique et politique. 1721. September. P. 363.

85 Verzeichnis der sämtlichen Schildereyen zu Marly und Monplaisir in Peterhoff [...]. Georg Gsell und Jacob Stählin, 1737. См.: СПФ АРАН. Ф. 170. Оп. 1. Д. 65. Опубликовано И. Дриссен и А.Г. Каминской в переводе с нем. А.Л. Бураковой: Описание собрания картин в Марли и Монплеизире в Петергофе с их стоимостью и сведениями о мастерах и с заметками об их работе академического живописца Гзелля и Якоба Штелина. 1737 // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого... С. 340–380.

86 Письмо Ван ден Бурга царице Екатерине. 21 апреля 1719 г. РГАДА. Р. IX. Оп. II. Д. 48. Л. 537–538.

Другая императрица, Екатерина II, которая впоследствии будет приобретать еще больше картин, чем Петр I, проявит в этом вопросе явное согласие со своим предшественником. Они оба абсолютно не разбирались ни в живописи, ни в музыке. Екатерина Великая честно писала об этом, а о Петре мы узнаем от английского историка Маколея. Последний сообщает, что Петр, осматривая картинную галерею в Кенсингтонском дворце, ни одним взглядом не удостоил висевшие там многочисленные полотна и заинтересовался только искусно сконструированным механическим флюгером над дымоходом⁸⁷. Позднее Петр приказал установить подобный флюгер на крыше своего Летнего дворца в Петербурге.

Потребность в картинах и интерес к живописи появились у Петра лишь в тот момент, когда ему пришлось обустроить свои европейские дворцы, построенные на берегах Невы и Финского залива. В общей сложности для Петра приобрели четыреста полотен. В.Ф. Левинсон-Лессинг не нашел ни одного упоминания о том, чтобы Петр во время своей первой поездки в Европу покупал картины. Ученый ссылался на Хаубракена, который отмечал, что в то время у Петра вызывали интерес только изображения кораблей, которые могли быть ему полезны при строительстве его собственного флота⁸⁸. Но позднее царя интересовали уже не только картины на морскую тематику⁸⁹. Полотна, которые он начал покупать, относились ко многим жанрам: сцены из крестьянской жизни, батальная живопись, городские пейзажи, изображения птиц и зверей, а также историческая живопись на сюжеты Ветхого Завета. Инструкции, которые Петр дал своему амстердамскому торговому агенту Осипу Соловьеву в 1716 г., касались в первую очередь количества картин: «Что ж пишете о картинах, что их с 80 уже купил, однако ж и впредь старайся их еще покупать, ибо нам надобно их довольно число, но смотрите только, чтоб были хорошей работы [...]»⁹⁰.

Петр все еще не был знатоком искусства. Ему было недостаточно списка имен художников и сюжетов их работ: «...а из купленных осмидесяти, которых ты станешь посылать в Петербург, пришлите к нам в Шверин [в северной Германии, где в 1716 г. Петр вел войну] картин пять или шесть разных манеров, которых мы осмотра, будем к тебе писать, какие впредь надобно покупать; да проведай, жив ли в Амстердаме славной живописец Ван дер Верф, и о том отпиши к нам, и постарайся достать его работы картины две или три»⁹¹.

87 *Macauley T.B.* The History of England: from the accession of James the Second. [Leipzig, 1849]. Vol. 9. P. 91.

88 *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985. С. 330, 341. Прим. 139 и 141.

89 См.: Описание собрания картин в Марли и Монплезире в Петергофе с их стоимостью и сведениями о мастерах и с заметками об их работе академического живописца Гзелля и Якоба Штелина. 1737 // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого... С. 340–380.

90 *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого: в 15 т. М., 1838–1843. Т. 6. С. 502–503.

91 Там же.

Тем не менее Петр покупал картины не только для оформления своих дворцов, но и потому, что после своего путешествия по Европе знал — так подобало делать монарху⁹². Он также заказал картины для Кунсткамеры. Ранее де ла Кур дал Шумахеру обещание сообщать, если какая-нибудь коллекция будет выставлена на аукцион, чтобы приобрести картины для царя с наименьшим риском. Шумахер писал Блюментросту, что побывал на торгах, организованных де ла Куром.

«В Амстердаме, под дирекцию господина де ла Кура, презиридная оранжерея на аукции продавалась и драгоценный кабинет живописных вещей, деланных от лучших мастеров; и понеже в медицинском огороде оранжереи не имеется⁹³ и в новую библиотеку и Кунсткамеру впредь живописи весьма надобны будут, и оныя вещи не вельми дорого продавались; того ради я оранжереи и несколько живописей через господин Ларвода и сына его — оную за 823 гульдена, сии за 8382 гульденов купил; но понеже в медицинском огороде еще к оранжерее места не обретається, того ради господин архиатер оную Ея Величеству Государыне Императрице отдал, и оная уже заплачена. А живописи в кунсткамер суть на время, но еще не заплачены, и плату за оныя Элмсал и Эванс [...] ежедневно требуют и мне покоя не дают...»⁹⁴.

Эта покупка стала важным событием для Кунсткамеры. С этого момента ученики художников, графиков и граверов, работавших в России, могли увидеть живопись не только в частных собраниях, таких, например, как коллекция графа А.И. Остермана (1687–1747)⁹⁵, но и — по справедливому определению В.Ф. Левинсона-Лессинга — в первом русском музее *изобразительного искусства*⁹⁶.

92 Впрочем, были и другие правители, которые «оптом» скупали предметы искусства для оформления своих дворцов. М. Клебусек, начиная свое исследование коллекции штатгальтера Нидерландов Фредерика-Генриха Оранского, заявила на одном собрании клуба истории коллекционирования в Амстердамском историческом музее, что постарается понять вкус штатгальтера с помощью купленных им произведений. Спустя годы, когда она в 1997–1998 гг. организовала выставку в Гаагском историческом музее «Vorstellijk vertoon» («Княжеский показ»), посвященную двору Фредерика-Генриха Оранского и его супруги Амалии, она уже выяснила: покупатель, каковым являлся Фредерик-Генрих, совершая подобные приобретения, обращал внимание только на качество и количество полотен, о чем она и сообщила тому же историческому клубу во время экскурсии.

93 Оранжерея — конструкция из стекла, защищающая от холода, где апельсиновые и прочие цитрусовые деревья из средиземноморских регионов могут пережить зимнее время. Не ясно, действительно ли в данном случае под словом «оранжерея» подразумевается коллекция апельсиновых деревьев.

94 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 554.

95 Граф Остерман позволял студентам посещать свою коллекцию. См.: Ein Deutscher am Zarenhof. Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747 / Red. Joh. V. Wagner, B. Bonwetsch, W. Eggeling. Essen, 2001. S. 41.

96 Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа... С. 42.

По возвращении из Парижа Шумахер передает царю письмо Французской академии наук

В сентябре 1722 г. Шумахер вернулся из своего заграничного путешествия. В молодом возрасте — ему тогда был 31 год — у него была возможность оценить почти все значимые собрания Европы, за исключением коллекций, находившихся в Италии. Он, как никто другой, знал царские коллекции в Петербурге и потому мог купить тот или иной недостающий в них экспонат. Во время поездки он регулярно отправлял в Россию приобретенные объекты. Так же Шумахер поступал и с книгами для библиотеки царя. Он пополнял комплекты нескольких серийных изданий и приобрел более трехсот книг в дополнение к тем, что уже имелись в библиотеке. По возвращении он, как и ранее, был назначен секретарем Медицинской канцелярии, в ведении которой находилось все, что в России имело отношение к медицине⁹⁷.

Письма

В Париже во Французской академии наук Шумахеру вручили письмо, с тем чтобы он передал его русскому императору, однако к приезду Шумахера государь был за границей. Лишь после возвращения Петра и Л. Блюментроста из военного похода библиотекарь смог вручить письмо адресату. В ответ на него царь приказал Блюментросту составить и отослать отчет о последних научных открытиях. Так, Блюментрост в числе прочего послал в Париж «карту только что завоеванного Дербента», столицы Дагестанского ханства, «а также наблюдения о породах камня в дербентских домах, которые отличаются от того, что Адам Олеарий» (1603–1671), математик из Шлезвиг-Гольштейна, посол Фридриха III Гольштейн-Готторпского, «ранее писал об этих зданиях»⁹⁸, и «присовокупил к этому завернутые в бумагу, высушенные, отчасти неизвестные растения из окрестностей Москвы, собранные ботаником Буксбаумом⁹⁹, и карту недавно выкопанного Ладожского канала»¹⁰⁰.

Царь последовал рекомендации де ла Кура ван дер Воорта, которую тот дал Шумахеру в Лейдене, и послал в Нидерланды учиться несколько русских садовников. Это следует из письма Ван ден Бурга Шумахеру. Императорская чета верила заботам де ла Кура нескольких садовников и поручила надзор за ними

97 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 299.

98 Отчет о поездке Адама Олеария в Персию был опубликован в 1646 г. и в настоящее время переведен на многие языки мира. Хорошее современное издание: *The travels of Olearius in 17th century Russia (1647)* / Ed. by S.H. Baron. Stanford, 1967. Олеарий заведовал готторпской кунсткамерой и составил ее описание (1674).

99 Иоганн Христиан Буксбаум (1693/4–1730). В Большой советской энциклопедии (Т. 4. С. 37) датой его рождения указан 1694 г.; в карточке библиотеки Нидерландского института научных информационных услуг указан 1693 г.

100 Черновик письма Л. Блюментроста членам Королевской академии наук в Париже. Петербург. 2 марта 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 157–158.

Ван ден Бургу. Он опекал многих учеников из России: находил для них учителей, пансионы, организовывал для них уроки голландского письма и чтения, снабжал деньгами на одежду и время от времени собирал их вместе, чтобы отметить русские праздники. Каждую неделю он навещал нескольких из них. Некоторые ученики доставляли ему немало хлопот: они посещали проститутток, часто бывали навеселе или не могли приспособиться к голландскому темпу работы; однако некоторые добивались поразительных успехов, как, например, молодой Андрей Матвеев, которого царица послала учиться к амстердамскому живописцу Арнольду Боону¹⁰¹. В начале июля 1723 г. Ван ден Бург отправился в Лейден, чтобы обсудить с де ла Куром успехи его учеников. И так случилось, что речь зашла о покупке картин для царя. Шумахер уже однажды приобрел картины для Кунсткамеры на организованном де ла Куром аукционе и хотел повторить этот опыт. Де ла Кур не слишком жаждал помогать и объяснил Ван ден Бургу, «что во время продажи и покупки картин часто происходит обман, когда копию продают под видом оригинала. Что он уже сталкивался с подобным жульничеством и потому опасался, что его могут обмануть, и если он при этом приобретет что-то для царя, а покупка окажется неудачной, то на него падет подозрение, будто он имеет доход с уплаченной суммы. И он боялся потерять из-за этого доверие царя, в то время как в настоящий момент он пользовался большим его уважением и хотел, чтобы так и продолжалось»¹⁰². Зато де ла Кур предлагал свои услуги в другом: «если Его Величество пожелает [приобрести] что-то, относящееся к садам», то он «с удовольствием ему поможет».

Де ла Кур не только жаловался на огромное количество копий, которые выдавались за оригиналы, но и предупреждал, что «большинство полотен, продающихся на открытых торгах в Нидерландах, приобретают любители [искусства]». По его словам, «они взвинчивают цены». Он предлагал Ван ден Бургу: «...узнав о кончине настоящего ценителя, если все будет продаваться напрямую, он попробует что-нибудь приобрести. В таких обстоятельствах шанс купить качественное произведение гораздо выше»¹⁰³. Де ла Кур пообещал сообщить Ван ден Бургу, если такой случай представится: «При этом ему нужно знать, какие картины желает приобрести царь»: «батальные сцены на земле и море, бытовые, исторические сюжеты, портреты или изображения животных, маленькие или большие полотна». Ван ден Бург писал: «Он [де ла Кур] сказал также, что в настоящее время нет художников, которые бы писали корабли и морские баталии», и что подобные картины в случае продажи невероятно дорого стоят. Ван ден Бург закончил письмо сообщением о том, что де ла Кур, который ранее послал государю ананас,

101 Рапорты Ван ден Бурга от 10 августа 1719 // РГАДА. Ф. 9. Оп. II. Д. 42. Л. 432–432 об.; от 18 сентября 1719 // Там же. Л. 420–421; от 5 декабря 1719 // Там же. Л. 428–429 об.; от 19 декабря 1719 // Там же. Л. 423; Письмо Брантса А.В. Макарову. 26 сентября 1720 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. II. Д. 52. Л. 128.

102 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 6 июля 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 19–20 об.

103 Там же.

с благодарностью принял подарок царя — несколько ананасов: «Де ла Кур и его помощник выразили восхищение петербургским садовником, которому это удалось [вырастить]»¹⁰⁴.

Возведение Кунсткамеры

Как мы уже упоминали, когда И.Д. Шумахер вернулся из своего путешествия, государя не было в Петербурге, так как он участвовал в Персидском походе. В Нидерландах с нетерпением ожидали сообщения о «de Astrachanse reijse» («Астраханском рейсе»), как назвал Ван ден Бург Персидский поход¹⁰⁵. Сначала никто не воспринимал Петра всерьез, но «теперь, по свидетельству Ван ден Бурга, [все] начали рассуждать об изменениях в персидской монархии»¹⁰⁶. 22 октября 1722 г., находясь у южных границ своего государства в Астрахани, на Каспийском море, царь послал Ульяну Синявину, директору строений городовых дел, указания относительно нового здания Кунсткамеры. Государь повелел сложить в Кунсткамере камин и покрасить стены, но не спешить со шкапами для экспонатов: «...по получении сего призови Шумахера, которому кабинет вручен, чтобы тебе дал роспись и показал места, где что делать. И по оному делать немедленно, дабы в будущее лето [1723 г.] оный ку(н)шт-камор видеть готовым»¹⁰⁷.

Ремонт Кикиных палат

Несмотря на категорическое послание Петра I У. Синявину, летом 1723 г. здание Кунсткамеры все еще не было готово. А тем временем Кикиным палатам, где до сих пор хранились коллекции, требовался серьезный ремонт. Поэтому 10 марта 1724 г. Шумахер принял смелое решение: он написал письмо Доменико Трезини, который был на службе у царя и работал в Петербурге:

«Книги и редкости царя, которые помещены в доме Кикина, фактически открыты дождю, так как крыша провалилась и полна дыр. Господин Блюментрост, первый лейб-медик царя, многократно указывал господину Синефину¹⁰⁸ на необходимость ремонта, но это не привело к результату. Поэтому я принял решение вмешаться лично. Единственная милость,

104 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 6 июля 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 19–20 об.

105 18/29 июля 1722 г. русский флот, покинув Астрахань, выступил против Персии. После неудач в первой кампании 20 июня/1 июля 1723 г. началась вторая, в результате которой Петр Великий завоевал Баку.

106 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру в Гамбург. 30 июня 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 34.

107 Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 1. С. 7; *Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге... С. 303; *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 50.

108 Имеется в виду Ульян Синявин.

о которой я Вас прошу, сударь, — это чтобы вы соблаговолили помочь мне с рекомендацией подходящих мастеровых и заключением контракта с ними. Я сам позабочусь об оплате. Прошу Вас сообщить мне, когда я смогу иметь честь лично засвидетельствовать Вам свое почтение»¹⁰⁹.

Тем летом Л. Блюментрост вздыхал:

«...Библиотека и Кунсткамера мало принесут пользы, если для нее не будут вызваны способные ученые люди, которые бы занимались исключительно науками. Вследствие того император повелел сделать таковой вызов, тем более что если по каждой науке будет вызван особенный ученый, то из них может составиться целая академия»¹¹⁰. — «Его Величество приказал ему [Блюментросту] сочинить о том проект [...] Сие есть, — рассказывал Шумахер, когда его спросили о покойном Блюментросте, — подлинное начало Санктпетербургской академии»¹¹¹.

109 Письмо И. Шумахера Д. Трезини. 10 марта 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 196.

110 В 1755 г. Шумахер по просьбе барона Корфа записал свои воспоминания о том, как покойный Лаврентий Блюментрост стал президентом Академии наук. Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук... С. 51.

111 Там же. С. 52.